

Эмали из Успенского и др. соборов.

Блю-а из серебра и эмали.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОД В ПЕТРОГРАДЕ.

Революция и гражданская война последних 5 лет поставили Государственные фарфоровый и стеклянный заводы (б. Императорские) в необходимость перестроить свое производство на военные нужды страны. С прекращением гражданской войны и переходом республики к мирной, хозяйственной жизни, государственные фарфоровый и стеклянный заводы также постепенно возвращаются к своей основной, первоначальной деятельности, художественной, по преимуществу. Деятельность эта, за 2-вековое существование заводов, создала им широкую и вполне заслуженную, даже по отзывам наших врагов, мировую славу.

С 1 января 1922 года работа заводов построена уже на принципе коммерческого расчета, при чем они, не входя в объединения стекльно-фарфорового треста, являются автономной единицей, подчиненной непосредственно академическому центру Наркомпроста.

Вследствие ненадежности торговых сношений с заграницей, откуда нами обычно получались некоторые сорта стеклянных и глиняных технических изделий, и, в связи с этим, усиления требований на такие изделия со стороны различных хозяйственно-промышленных предприятий, фарфоровый завод в 1922 г. еще продолжает производство Морквардовской массы высокого качества для фарфоровых изоляционных трубок, некоторых сортов специальных изоляторов и авто-свечей.

Остальные же сорта технических фарфоровых изделий постепенно вытесняются производством фарфоровой посуды и, главным образом, художественных изделий.

Нужно отметить, что в прошлом 1922 году работа завода протекала вполне нормально и планомерно, не нарушаясь ни разу какими-либо случайностями или непредвиденностями, обычными в жизни всякого предприятия, при чем в полном ходу были отделы: фарфоровый, художественный, керамический и кварцевый.

Лучшей иллюстрацией к деятельности и производительности фарфорового завода служат следующие цифры: в 1922 г. заводом выпущено художественных и сервизных изделий 60.000 штук и технических—115.000 штук.

Наконец, после многолетнего перерыва, фарфоровый завод открывает в своих стенах отчетную выставку своих изделий, уделяя, разумеется, наибольшее внимание основной отрасли своего производства—художественным экспонатам. Выставка эта большое культурное событие в жизни не только Петрограда, но и всей Р. С. Ф. С. Р., как живой и наглядный показатель неуывающего нашего стремления к истинному искусству и утонченной культуре,—несмотря на отдаленность завода от города (8 верст), выставка, организованная директором завода П. А. Фрикен, посещается питерцами охотно и пользуется среди них большим успехом.

Евангелъе из Богоявленского монастыря (серебро и эмаль).

Представленные на выставке экспонаты, лучшие образцы которых изображены на прилагаемых фотографиях, сконцентрированы по именам авторов композиций и дают яркую картину движения в искусстве живописи по фарфору, пройденного заводом за после-революционные пять лет.

Служа отображением переживаемой республикой эпохи, как в форме фарфоровых изделий, так и в секретах живописи и скульптуры, фарфоровый завод показал описываемой выставкой, что в его изделиях получили художественное осуществление самые последние искания и достижения в области искусства вообще и живописи по фарфору, в частности. Новые произведения завода, особенно расписные блюда, тарелки с мотивами революции пользуются сейчас громадным успехом за границей; москвичи увидят их вскоре на имеющейся открыться в Москве выставке художественной промышленности.

Среди изделий завода обращают на себя особое внимание своей остротой и мастерством работы—А. В. Щекотиной, С. В. Чехонина, М. Адамовича, Э. Кобылецкой, сестер Н. и Е. Данько, М. Лебедевой и Р. Вильде.

Направлением художественной деятельности завода руководит особый художественный совет Акцента, непосредственно же художественной частью завода ведает в настоящее время известный график С. Чехонин.

Мы воспроизводим здесь образцы работ госуд. фарфорового завода, но, к сожалению, мы лишены возможности поместить снимки полностью, и часть их дадим в другом номере.

Л.

Слева фигура рабочего «Вставай, проклятьем заклейменный», справа «Красный моряк» — работы сестер Данько. В центре статуэтка Урицкого (автор неизвестен).

«Любительское блюдо» к 5-летию Кр. армии.
Работа худ. Адамович.

Раб. худ. Кобылецкой.

Работа худ. Щекотихиной.

Общий вид выставки фарфора.

Курительн. трубки из фарфора работы сестер Данько.

Когда на строгие, нахмуренные ели
 Седая изморозь набросит седину,
 Как остро чувствуешь, что дни повеселели,
 Как предугадываешь новую весну.
 Весь день хрустит под сапогами иней,
 Весь день лучи косятся на меня;
 Какая тишь. Какой покой пустыни
 В сгорании серебряного дня.

В осинах синь, а луг весь белый, белый,
 Душа легка, — ни груза, ни тревог,
 И лишь от счастья вздрагивает тело
 На перекрестке матовых дорог.
 Густеют сумерки. Уже огонь заката
 Лесной рябины окровавил куст;
 Как хорошо итти весь день куда-то,
 Под шорох листьев и звенящий хруст...

В. Александровский.

КРАСИЛАЯ

ШИВА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ♦ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ♦ ЖУРНАЛА
А.В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю.М. СТЕКЛОВА

№ 6.

Москва, 11 февраля 1923 г.

№ 6.

СОДЕРЖАНИЕ.

44 Очарованная душа. Роман Ромэн-Роллана. — Яко боги.

Роман Г. Уэллса. — Любуша (придворная лошадь императора). Карла Штернгейма. — „Русь“ (роман баронессы Нины). Глава из романа П. Романова. — Красный Питер (поэма). С. Городецкого.

Экскурсии в мир Шекспира А. Луначарского.

Стихи: В. Ильиной, Ив. Белоусова и В. Александровского.

Искусство: Московская оружейная палата и государственный фарфоровый завод

Иллюстрации: Лозаннская конференция, миссия Нансена, изъятые церковные ценности, фарфор государственного завода, оркестр без дирижера, выставка Вхутемаса, производство папирос, портреты, мирное применение авиации и др.

Критика и библиография.

Наука и техника. Шахматы.

КРАСНАЯ НИВА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОЧАРОВАННАЯ ДУША¹⁾.

Анетта и Сильвия.

Роман Ромэн-Роллана.

Перевод А. И. Иловайской.

Глава VIII.

Начиная с этого дня, обе сестры часто виделись. Не проходило ни одной недели, чтобы они не устраивали себе свиданий. Сильвия часто прибегала к Анетте на Булонскую набережную. Реже Анетта заходила к Сильвии. По молчаливому соглашению они устраивались таким образом, чтобы Анетта никогда не встречалась с другом. У них был специальный день для совместного завтрака в молочной, и им пришлось назначать себе свидания в разных местах Парижа. Свидания приносили столько же радости одной, как и другой. Это сделалось для них потребностью. В те дни, когда они не виделись, часы тянулись, старой тетке никак не удавалось рассеять Анетту, а Сильвия не в духе раздражалась на ни в чем не повинного друга. Единственно, что облегчало им переносить ожидание, была мысль о том, что они скажут друг другу завтра, когда увидятся. Но и этого не всегда было довольно, и иногда Анетта не была так счастлива, как однажды вечером, когда Сильвия позвонила уже после 10 часов, говоря, что она не могла дожидаться завтрашнего дня, чтобы поцеловать ее. Анетта все горела от желания удержать ее у себя, но сестренка, клявшаяся, что имеет только пять минут в распоряжении и проболтавшая больше часу, поднялась и стрелой побежала домой.

Анетте страшно хотелось разделить с сестрой свой дом и свое благополучие, но Сильвия всегда резко уклонялась от всех попыток: вбила в свою голову, в свою упрямую головку, что не примет никакой денежной помощи. Но она без всяких затруднений принимала подарок, какую-нибудь принадлежность туалета или брала деньги «взаимы» (долги свои она забывала отдавать). Иногда случалось, что она что-нибудь воровала у Анетты. Конечно, ничего ценного... И, само собой разумеется, она никогда не взяла бы денег. Деньги, это—священно. Но так, маленькую безделушку, недорогое украшение. Она не могла удержаться от этого. Анетта заметила эти замашки маленькой сороки-воровки; ее это приводило в смущение: почему Сильвия не просила у нее. Она была бы так счастлива ей давать. Она старалась не замечать. Но самым большим удовольствием двух сестер было меняться блузками, лифчиками, бельем: страсть Анетты этим питалась. Сильвия очень умело переделывала платья сестры. И ее вкус смягчал немного серьезный вкус Анетты. Результаты не всегда бывали удачны, так как Анетта, слишком сильно влюбленная, доводила иногда подражания дальше того, чем шло к ее собственному стилю. И Сильвия, посмеиваясь над этим, сдерживала ее пыл. Более чуткая, она умела, не говоря об этом, извлекать пользу из того, чему ее учило простое изящество сестры, приобретала известные оттенки в разговоре, манеры, жесты. Но она так тонко копировала, что можно было подумать, что скорей моделью была она.

Однако, несмотря на их близость, Анетта знала только одну часть жизни своей сестры. Сильвия была независима и любила давать это чувствовать. В глубине души у нее еще оставался остаток классовой враждебности. Она хотела, чтобы Анетта поняла, что ею нельзя располагать по своему усмотрению и что можно было входить к ней только тогда, когда она сама того хотела. При своем самолюбии, она, конечно, заметила, что Анетта не все одобряла в ней и, главным образом, ее любовную связь. Хотя Анетта и делала усилия, чтобы примириться с ней, но все же она никогда не могла скрыть своего смущения; когда разговор заходил об этом. Она избегала таких разговоров, или, когда она заставляла себя говорить на эту тему в угоду Сильвии, в тоне ее голоса слышалась деланность, которую Сильвия улавливала, и сейчас же переводила речь на другое. Анетту это очень огорчало. Она от всего сердца желала, чтобы Сильвия была счастлива, счастлива по своему. Она не хотела ей показывать, что она желала ей не такого счастья. Но, без сомнения, она все же давала ей понять. Тот, кто сильно чувствует, не умеет хитрить. Сильвия обижалась на нее за это и метила ей молчанием. Понадобилась случайность, чтобы Анетта узнала, по прошествии уже нескольких недель, некоторые важные события в жизни своей молодой сестры.

Но правде сказать, Сильвию в важности их трудно было убедить: и, может быть, в самом деле, они скользили по эластичности ее темперамента: но, может быть, впрочем, тут играло некоторую роль и ее самолюбие... Анетте, между прочим, было сообщено, что уже «некоторое время (трудно установить с каких пор: это уже старая история) связь ее с другом порвана». Сильвия, казалось, вовсе не была этим огорчена. Анетту этот факт опечалил гораздо больше; но тут не было сожаления. Она неловко старалась выведать у Сильвии, как это произошло. Сильвия только пожимала плечами и отвечала:

— Да ничего не произошло. Это прошло. Вот и все.

Собственно говоря, Анетте следовало бы радоваться этому, но эти слова сестры оторчали ее... Какие странные чувства! Какое она была извращенное создание... Ах! слово «прошло», что стоило оно сердцу. И его произносили со смехом...

Но за этой большой новостью (для нее она была такой) вскоре последовала другая. Однажды, когда Анетта заявила желание прийти за се трой в мастерскую, Сильвия спокойно сказала:

— Нет, не надо. Я больше там не работаю...

— Как?—спросила удивленная Анетта,—с каких пор?

— О, уже давно... (Все та же неясная манера указывать время. Это столько же могло быть накануне, сколько и в прошлом году.)

— Что случилось?

— Случилось то, что случается каждый год. (Так же, как в Мальбруке, на Пасху и на Троицу.) Сейчас же после Grand Prix наступает мертвый сезон. Хозяйки делаются грубыми, чтобы великодушно предоставить нам предлог дать им возможность выбросить нас на улицу

1) Продолжение. См. № 2—5.